

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Каллимаховцы.

Пинакографическая дѣятельность Каллимаха, какъ мы видѣли, тѣсно была связана съ александрийскою библіотекою, и не будь послѣдней, не было бы, пожалуй, если не побужденій, то ни средствъ, ни достаточнаго матеріала для первой. «Таблицы» представляли собою грандіозное предпріятіе, мысль о которомъ могла зародиться только въ такомъ грандіозномъ учрежденіи, какъ библіотека Лагидовъ.

Но эта библіотека не переставала расти. Каллимахъ закрѣпилъ въ своихъ «Таблицахъ» лишь одинъ моментъ ея существованія, — моментъ, скоро ею пережитый. Рвеніе александрийскихъ книгособирателей не ослабѣвало, по части книгъ непрерывно дѣлались новыя приобрѣтенія, а потому скоро оказалось возможнымъ и необходимымъ внести и дополненія, и разнаго рода поправки въ работу ученаго киренейца. Въ созданной имъ школѣ нашлись люди, обладавшіе потребными для того знаніями, опытностью, усидчивостью и любовью къ дѣлу. Между такими людьми занималъ первое мѣсто и по таланту, и по эрудиціи, и по своей славѣ, скоро затмившей славу учителя, и, наконецъ, по самому положенію своему въ александрийской библіотекѣ Эратосѣенъ.

Если вѣкъ александрийской полиграфіи и полимаѳіи вообще былъ богатъ представителями широкой энциклопедической учености, то все таки едва ли возможно указать на кого либо изъ современниковъ Эратосѣена, кто превзошелъ бы его по части многосторонности ученыхъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ

по глубинѣ и самостоятельности сужденія. Недаромъ стяжалъ онъ краснорѣчивое прозваніе „Πένταθλος“, недаромъ также его называли вторымъ или новымъ Платономъ³²⁹). Образовавши свой умъ въ школѣ такихъ свѣтилъ тогдашней науки, какъ Каллимахъ, Аристонъ и Аркесилай, онъ всецѣло посвятилъ себя учено-литературной дѣятельности и при изумительной плодовитости успѣлъ за свою долготѣльную жизнь оставить массу сочиненій и по философїи, и по исторїи, и по грамматикѣ, и по географїи, и по физикѣ, и по астрономїи, не говоря уже объ упражненїяхъ его въ стихотворномъ родѣ, — упражненїяхъ, которыя, какъ и все, что онъ писалъ, были отмѣчены печатью истиннаго таланта.

Въ этой массѣ много разъ разрабатывались темы, затронутыя въ свое время учителемъ Эратосѣена Каллимахомъ. Совпаденіе это не могло быть случайнымъ, — нѣтъ, оно обусловливалось естественнымъ желаніемъ ученика идти впередъ на томъ пути, который былъ ему указанъ его наставникомъ. Въ особенности же это относится къ эратосѣеновымъ изслѣдованїямъ въ области исторїи греческой литературы. Здѣсь главное вниманіе Эратосѣена было устремлено на исторїю драмы, преимущественно же исторїю комедїи, которой посвятилъ онъ объемистое сочиненіе, состоявшее по крайней мѣрѣ изъ 12 книгъ и носившее заглавіе περὶ κωμωδίας или περὶ τῆς ἀρχαίας κωμωδίας.

³²⁹⁾ Эратосѣенъ имѣлъ и третье прозвище — Βῆτα: Suid. s. v. διὰ δὲ τὸ δευτερεῖον ἐν παντὶ εἶδει παιδείας, τοῖς ἀκροῖς ἐγγίσαντα, Βῆτα ἐπεκλήθη. Это понимаютъ обыкновенно такъ, что при всемъ его трудолюбіи знаменитому грамматикѣ во всѣхъ отрасляхъ научной и литературной дѣятельности удалось достигнуть лишь второстепеннаго значенія, а потому злые языки и дали ему имя второй буквы алфавита (срв. Susemihl, стр. 413); другіе комбинируютъ прозванія Βῆτα и Πένταθλος въ томъ смыслѣ, что, хотя Эратосѣенъ и долженъ былъ уступить первое мѣсто въ отдѣльныхъ областяхъ знанія другимъ болѣе талантливымъ современникамъ, но въ общемъ по обширности и разносторонности своихъ свѣдѣній превзошелъ ихъ всѣхъ (Christ, стр. 508). Но отчего бы не допустить и такого толкованія, что во всѣхъ отрасляхъ науки Эратосѣенъ стремился занять не больше — не меньше, какъ первое мѣсто послѣ признанныхъ корифеевъ, и въ этомъ достигъ блестящаго успѣха? По поводу прозванія Βῆτα можно также припомнить, что и перипатетикъ Сатиръ, современникъ Аристарха, также носилъ сходное имя — Ζῆτα (διὰ τὸ ζητητικὸν αὐτοῦ).

Подобно Каллимаху, нашъ авторъ приступилъ къ этому труду, обстоятельно познакомившись напередъ и съ дидактическою литературою, и со сценическими древностями, и съ исторіей греческихъ агоневъ вообще. Свидѣтельствуютъ объ этомъ до очевидности ясно фрагменты ³³⁰⁾: 3-й, 100-й (оба относятся къ сценическимъ древностямъ), 38-й, 48-й, 70-й, 97-й, 109-й (касаются дидактикѣ), 108-й (принадлежитъ спеціальному трактату „Ὀλυμπιονίκαι“, непосредственно при-
мыкающему къ одноименной работѣ Аристотеля и къ сочиненію Каллимаха „περὶ ἀγώνων“. Срв. Athen. IV p. 154 a; Schol. Od. 9, 190). Судить о планѣ и о размѣрахъ обширнаго изслѣдованія Эратосѣена о комедіи довольно трудно, такъ какъ въ ссылкахъ на него рѣдко обозначаются соотвѣтствующія книги. Мы знаемъ только, что въ 3-ей книгѣ шла рѣчь объ одномъ мѣстѣ изъ аристофановыхъ «Лягушекъ» (frg. 109), въ 7-ой—о комедіи Ферекрата „Μεταλλεύς“ (frg. 93), въ 8-ой, повидимому, объ аристофановой «Лисистратѣ» (frg. 132), въ 9-ой—о «Птицахъ» (frg. 59) и объ одномъ мѣстѣ изъ неизвѣстнаго комика (frg. 119), въ 11-й—о Кратинѣ (frg. 25), наконецъ, въ 12-й—о долготѣ конечнаго α въ словахъ на εἰα въ аттическомъ нарѣчій (frg. 47). Въ виду отсутствія какой бы то ни было связи между этими разрозненными ссылками, можно предположить, — и это предположеніе сдѣлалъ уже Бернгарди ³³¹⁾, — что сочиненіе Эратосѣена „περὶ κωμῳδίας“ заключало въ себѣ рядъ отдѣльныхъ статей, связанныхъ между собою однимъ только единствомъ темы, но не подчиненныхъ никакому заранѣе опредѣленному плану. Это были, такъ сказать, критическіе этюды о комедіи, причемъ авторъ не упустилъ случая указывать на ошибки своихъ предшественниковъ, — Ликофрона и Каллимаха, — писавшихъ о томъ же предметѣ ³³²⁾, и не стѣснялся ника-

³³⁰⁾ Цитую по Штрекеру (назв. соч.).

³³¹⁾ Bernhardt Eratosthenica (Berl. 1822), p. 204 [Strecker l. l. p. 13].

³³²⁾ Къ Каллимаху относится фрм. 97 (Schol. Nub. 552 = Schn. 100^a, 2); къ Ликофрону—фрм. 74 (Schol. Vesp. 239), 7 (Schol. Plut. 1194), 25 (Athen. XI p. 501 d), 26 (Athen. VI p. 139 c—140 a) и др.

кими рамками, вовлекая въ сферу своихъ изслѣдованій и вопросы, касавшіеся археологій, и сомнѣнія о принадлежности пьесъ тѣмъ авторамъ, которымъ они приписывались (срв. fig. 46, 149), и розысканія о значеніи малоупотребительныхъ словъ и идиотизмовъ (fig. 108, 136, 18, 52, 90, 125). Быть можетъ, какъ особый отдѣлъ того же сочиненія о комедіи, или же въ видѣ совершенно самостоятельной книги Эратосѣеномъ былъ даже составленъ специальный глоссарій, приводимый иногда въ нашихъ источникахъ подъ несо-всѣмъ ясными заглавіями „ἀρχιτεχνικός“ и „σχευογραφικός“³³³). Что же касается хронологической основы, на которую могли опираться всѣ эти многоразличныя изслѣдованія, то она была дана въ другомъ не менѣе солидномъ трудѣ того же автора, озаглавленномъ „περὶ χρονογραφίῳ“. Нисе полагаетъ, что это былъ очеркъ политической и литературной исторіи, снабженный необходимыми хронологическими опредѣленіями³³⁴). Очеркъ этотъ начинался съ троянской войны и особенно былъ богатъ фактами и датами, относящимися къ области культурной исторіи,—къ хронологіи философовъ, поэтовъ и проч.³³⁵). Сталкиваясь и здѣсь съ Каллимахомъ, который и въ «Таблицахъ», и въ специальной своей работѣ, посвященной драмѣ, также трудился надъ установленіемъ точнаго хронологическаго соотношенія между историко-литературными явленіями, Эратосѣенъ неоднократно имѣлъ случай исправлять его показанія, и ученый міръ оцѣнилъ эти исправленія: даты, имъ установленныя, по большей части надолго утвердились въ наукѣ.

Но, если Эратосѣенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ много разъ соприкасался съ тѣми областями, въ которыхъ работалъ его наставникъ, и при новомъ пересмотрѣ матеріала часто вносилъ необходимыя улучшенія въ составленные послѣднимъ «Таблицы», то другой каллимаховецъ—Аристо-

³³³) См. Strecker l. l.

³³⁴) Niese Die Chronographie des Eratosthenes (Hermes XXIII). Susemihl стр. 423.

³³⁵) Susemihl l. l.

фанъ византийскій, бывший также и ученикомъ Эратосѣена, предпринялъ такой пересмотръ уже съ специальною цѣлью провѣрить и исправить сообщенія каллимаховыхъ «Таблицъ», такъ что и работа его, вызванная этимъ намѣреніемъ и носившая названіе „*πρὸς τοὺς Καλλιμάχου πίνακας*“, принадлежала всецѣло къ области пинакографической литературы. Оттого въ источникахъ нашихъ, когда рѣчь идетъ объ александрійской пинакографіи, то имена Каллимаха и Аристофана приводятся рядомъ, какъ имена главнѣйшихъ представителей названнаго рода литературной дѣятельности ³³⁶).

Фрагменты, уцѣлѣвшіе отъ этихъ дополненій Аристофана къ «Таблицамъ» Каллимаха и собранные Авг. Наукомъ, настолько незначительны по числу и скудны по содержанію, что мы положительно не въ состояніи судить, какъ именно расположилъ ихъ авторъ свой трудъ и каковы были размѣры послѣдняго. Единственное, что мы знаемъ объ этомъ предметѣ, сводится къ слѣдующему: 1) сочиненіе Аристофана отнюдь не имѣло полемическаго характера; оно было вызвано съ одной стороны значительнымъ умноженіемъ состава бібліотеки, а съ другой — и болѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ прежними ея приобрѣтеніями, вслѣдствіе чего въ «Таблицахъ» Каллимаха обнаружились пробѣлы, требовавшіе въ интересахъ науки пополненія, и неточности, нуждавшіяся въ исправленіи; 2) въ этомъ сочиненіи, какъ и въ каллимаховыхъ «Таблицахъ», нашли себѣ мѣсто и поэты, и прозаики; по крайней мѣрѣ въ нашихъ фрагментахъ идетъ рѣчь о Гесиодѣ, Архилохѣ, Пиндарѣ, Софоклѣ, Менандрѣ, Платонѣ (философѣ), Эпикурѣ и, повидимому, объ одномъ изъ тѣхъ, которые писали „*Δεῖπνα*“ (frgm. VIII); 3) замѣчанія Аристофана касались подлинности отдѣльных произведеній (frgm. I), числа книгъ, приписываемыхъ и дѣйствительно принадле-

³³⁶) Срв. Ath. VIII p. 336 e: οὗτε γὰρ Καλλιμάχος οὗτε Ἀριστοφάνης αὐτὸ ἀνέγραψαν, ἀλλ' οὐδ' οἱ τὰς ἐν Περγᾷ ἀναγραφὰς ποιησάμενοι. Cic. de Orat. III, 33, 132: num geometriam Euclide aut Archimede, num musicam Damone aut Aristoxeno, num ipsas litteras Aristophane aut Callimacho tractante, tam discerptas fuisse [existimas], ut nemo genus universum complecteretur etc.

жащихъ тому или другому автору (frgm. IV), порядка этихъ книгъ (frgm. III, VI), эстетическаго достоинства (frgm. II, V) и стиля ихъ (frgm. VII). Последнее обстоятельство могло бы дать поводъ думать, что и «Таблицамъ» Каллимаха эстетико-критическій элементъ несовсѣмъ былъ чуждъ, и, еслибы кто взялся это доказать, то я легко позволилъ бы ему себя убѣдить; но можно предполагать также, что Аристофанъ вообще не слишкомъ стѣснялся тѣми рамками, которыя опредѣлилъ для своей работы Каллимахъ, и что не все внесенное имъ въ свои дополненія къ «Таблицамъ» точно отвѣчало рубрикамъ самыхъ «Таблицъ». Быть можетъ, въ сочиненіи *»πρὸς τοὺς Καλλιμάχου πίνακας«* именно потому находимъ мы слѣды эстетической оцѣнки греческихъ писателей, что такой оцѣнки не было сдѣлано въ «Таблицахъ» Каллимаха и это казалось Аристофану важнымъ упущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Аристофанъ придавалъ, повидимому, особенно большое значеніе художественной сторонѣ литературныхъ произведеній, и въ этомъ отношеніи, по словамъ Зуземиля³³⁷⁾, онъ стоялъ среди александрійскихъ грамматиковъ совершенно одиноко.

Безъ сомнѣнія, въ связи съ пинакографическими занятіями ученаго каллимаховца стояло и составленіе приписываемыхъ ему краткихъ введеній къ пьесамъ важнѣйшихъ греческихъ драматурговъ (*ὑποθέσεις*). Эти введенія отчасти дошли и до насъ, хотя въ весьма измѣненномъ, подновленномъ и испорченномъ видѣ. Происхожденіе ихъ можно было бы объяснить себѣ двоякимъ образомъ: или они первоначально входили въ составъ только что разсмотрѣннаго нами сочиненія, — и тогда слѣдуетъ предположить, что не только Эсхиль, Софоклъ, Эврипидъ и комикъ Аристофанъ, для которыхъ существованіе «введеній» засвидѣтельствовано, а и многіе другіе сценическіе писатели, если не всѣ, были снабжены такими *»ὑποθέσεις«*, — или же составленіе послѣднихъ было вызвано изданіемъ самыхъ драмъ. Это, конечно,

³³⁷⁾ Susemihl стр. 429.

болѣе правдоподобно. Нашъ авторъ, не уступавшій по многосторонности своего образованія другимъ славнымъ грамматикамъ своего времени, отличался отъ нихъ между прочимъ особеннымъ влеченіемъ спеціально къ филологическимъ занятіямъ и менѣе ихъ въ своей ученой дѣятельности разбрасывался по другимъ научнымъ областямъ. Въ числѣ его работъ трактатъ „περὶ ζώων“ былъ, кажется, единственнымъ произведеніемъ, стоявшимъ совершенно въ сторонѣ отъ критическихъ, герменевтическихъ и историко-литературныхъ его студій. Въ особенности же привлекала Аристофана критика текста древнихъ писателей, и мы вправе приписать ему цѣлый рядъ новыхъ изданій этого текста, изъ коихъ одни предназначались для болѣе тѣснаго кружка ученыхъ спеціалистовъ, другія же распространились и въ публикѣ. Гомеръ, Гесіодъ, многіе лирики (и въ ихъ числѣ Пиндаръ), повидимому, три великихъ трагика (по крайней мѣрѣ навѣрное—Эврипидъ) и комикъ Аристофанъ были критически обработаны неутомимымъ грамматикомъ, и, разумѣется, въ связи съ этою широкою издательскою дѣятельностью естественнѣе всего могли возникнуть вышеупомянутыя «введенія», ὑποθέσεις.

По части такихъ «введеній» Аристофанъ византійскій имѣлъ уже предшественниковъ. Такъ, если даже и не принимать предположенія Ваксмута, что у Каллимаха въ его «Таблицахъ» давалось при каждомъ сочиненіи краткое указаніе на содержаніе (срв. выше стр. 188), то мы все таки имѣемъ положительное свидѣтельство древности о томъ, что Дикѣархъ составилъ „τινὰς ὑποθέσεις τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους μύθων“. Трудъ Дикѣарха, несомнѣнно, стоялъ въ связи съ дидакалическими произведеніями Аристотеля и его собственными. Онъ заключалъ въ себѣ не одинъ только разборъ содержанія, но и данныя относительно постановки драмъ Эврипида и Софокла на сцену (срв. arg. Arist. Ran. [τὸ δράμα] καὶ ἀνεδιδάχθη, ὡς φησι Δικαίαρχος) и вообще разнаго рода историческія и археологическія подробности касательно этого предмета. Подобнымъ же образомъ и аристофановы ὑποθέσεις, какъ видно, не отличались въ первоначальномъ своемъ видѣ

такою безотрадною скудостью матеріала, какъ тѣ печальныя ихъ остатки, которые пережили два тысячелѣтія и стали доступны нашему изученію. Правда, *ὑπόθεσις* по словопроизводству должно было бы означать тоже, что *ἡ υπόκειται*, другими словами,—то, что лежитъ въ основаніи пьесы; «но, замѣчаетъ по этому поводу Грѣбль ³³⁸⁾, подъ руками историковъ литературы это понятіе скоро расширилось, и къ содержанію пьесы примѣшалось и нѣчто другое, что казалось позднѣйшимъ поколѣніямъ полезнымъ и интереснымъ». Такимъ образомъ мало по малу полная *ὑπόθεσις* кромѣ содержанія пьесы стала заключать въ себѣ: 1) указаніе на дѣйствующія лица, составъ хора, мѣсто дѣйствія, — словомъ, на внѣшнія условія постановки пьесы; 2) опредѣленіе основной мысли произведенія; 3) эстетическую оцѣнку его; 4) дидактическія подробности объ обстоятельствахъ первой постановки пьесы, о наградѣ, полученной поэтомъ, о его соперникахъ и проч.; 5) сообщеніе о другихъ обработкахъ сходной темы, наконецъ 6) установленіе мѣста пьесы въ ряду прочихъ произведеній поэта ³³⁹⁾.

Между сохранившимися донинѣ образчиками такихъ «введеній» есть прозаическіе и есть стихотворные и, какъ тѣ, такъ и другіе носятъ зачастую славное имя Аристофана византійскаго. Но, не говоря уже о стихотворныхъ, которые, какъ показала Наукъ ³⁴⁰⁾, несомнѣнно, представляютъ продукты византійскихъ временъ, не всегда можно и прозаическія *ὑπόθεσις*, разъ онѣ въ нашихъ рукописяхъ отмѣчены именемъ Аристофана, признать за подлинно ему принадлежащія. Да и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ видна еще доселѣ аристофанова основа, успѣли уже испытать разнаго рода превратности судьбы...

Впрочемъ, входить въ дальнѣйшія подробности по этому вопросу не въ нашихъ видахъ, да и было бы здѣсь неумѣстно. Отсылая читателей за ними къ сочиненіямъ Трен-

³³⁸⁾ Gröbl l. l. p. 10.

³³⁹⁾ Ibid. p. 11.

³⁴⁰⁾ Nauck Aristoph. Byz. frgmm. (Halis. 1848), p. 256.

деленбурга, Лео и Грёбля ³⁴¹⁾, гдѣ собранъ и разработанъ относящійся сюда матеріалъ, я перехожу къ третьему каллимаховцу—Герминну смирнскому.

Съ тѣхъ поръ, какъ фрагменты Гермиппа были изданы Лозинскимъ (1832), вопросъ о жизни и сочиненіяхъ этого грамматика много разъ поднимался въ филологической литературѣ. О немъ писали Кюстеръ, Преллеръ, Нитцше, Ваксмутъ, Даубъ и др. Такой интересъ къ нашему писателю объясняется, во первыхъ, важнымъ значеніемъ послѣдняго, какъ одного изъ древнѣйшихъ историковъ греческой литературы, служившаго источникомъ для позднѣйшихъ грамматиковъ, эпитоматоровъ и лексикографовъ, а, во вторыхъ, неточностью находящихся въ нашемъ распоряженіи ссылокъ на него,—неточностью, подавшею поводъ къ смѣшенію двухъ различныхъ Гермипповъ. Смѣшать было нетрудно: эти два Гермиппа, хотя и жили въ разныя времена, но дѣйствовали на одномъ и томъ же поприщѣ, отличались одинаковою плодovitостью и даже разрабатывали темы, либо одинаковыя, либо близко между собою соприкасавшіяся.

Тотъ Гермиппъ, о которомъ мы должны здѣсь говорить, былъ родомъ изъ Смирны ³⁴²⁾ и, какъ ученикъ Каллимаха, извѣстенъ у доступныхъ намъ древнихъ авторовъ подъ именемъ *ὁ Καλλιμάχειος*, а, какъ послѣдователь перипатетической школы, — именуется иногда *ὁ Περικατητικός*. Дѣятельность его была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ пинакографическими работами Каллимаха, подобно которому онъ также предпринялъ составленіе обширной справочной книги о греческихъ литераторахъ и ученыхъ. Заглавіе этой книги, впрочемъ, подлежитъ спору. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ одного Діогена лаэртскаго, который въ трехъ мѣстахъ дѣлаетъ краткую ссылку: „*Ἑρμιππος ἐν τοῖς Βίοις*“ ³⁴³⁾, всѣ

³⁴¹⁾ Trendelenburg *Grammaticorum graec. de arte tragica iudiciorum reliquiae* (Bonn. 1867). F. Leo *Bemerkungen zur attischen Komödie* (Rh. Mus. 33, стр. 505 слл.). Gröbl назв. соч.

³⁴²⁾ K. Müller *Fr. H. Gr. III, frg. 74* (=Ath. VII p. 327 b. c.).

³⁴³⁾ Diog. L. I. 33. II, 13. V, 2 (=frg. 12. 31. 41).

авторы, на нее ссылающіеся, цитуютъ лишь различные отдѣлы ея, изъ коихъ каждый, очевидно, носилъ особое заглавіе, а иногда даже распадался на нѣсколько под-отдѣловъ, частей или книгъ. Само по себѣ отнюдь не невѣроятно, что въ подражаніе Каллимаху Гермиппъ озаглавилъ свой трудъ: „περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ λαμπράντων“ или „βίοι τῶν ἐν παιδείᾳ λαμπράντων“. Сочиненіе, носившее подобное названіе, даже прямо приводится съ именемъ Гермиппа въ «Большой Этимологіи» подъ сл. Ἀπάμεια. Но въ виду того, что одноименнику нашего автора, Гермиппу беритскому, жившему во времена Гадріана, принадлежало также сочиненіе съ сходнымъ заглавіемъ („περὶ τῶν διαπρεφάντων ἐν παιδείᾳ δούλων“), является невольное сомнѣніе, не слѣдуетъ ли въ вышеуказанномъ мѣстѣ «Большой Этимологіи» разумѣть именно этого втораго Гермиппа. Послѣ разъясненій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ Ваксмутомъ ³⁴⁴⁾ и Даубомъ ³⁴⁵⁾, мы рѣшительно склоняемся въ пользу послѣдняго предположенія.

Возстановить планъ обширнаго историко-литературнаго труда Гермиппа смирнскаго, еслибы къ тому представлялась какая нибудь возможность, было бы весьма интересно и во многихъ отношеніяхъ полезною задачею, и немудрено, если въ этомъ направленіи и было сдѣлано нѣсколько попытокъ. Первая изъ нихъ принадлежала издателю гермипповыхъ фрагментовъ Лозинскому, который распредѣлилъ эти фрагменты по слѣдующимъ пяти рубрикамъ: 1) περὶ τῶν ἐπτὰ σοφῶν, 2) περὶ τῶν νομοθετῶν, 3) βίοι τῶν φιλοσόφων, 4) περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαπρεφάντων δούλων (рубрика, внесенная въ схему, очевидно, по недоразумѣнію, на что было въпослѣдствіи указано Кюстеромъ [къ Suid. v. Ἰστρός] и Преллеромъ) и 5) βίοι τῶν ῥητόρων. Планъ этотъ былъ однако вновь перестроенъ Преллеромъ, вообще подвергнувшимъ книгу Лозинскаго безпоощадно-рѣзкой критикѣ. По Преллеру ^{345a)}

³⁴⁴⁾ C. Wachsmuth „De fontibus ex quibus Suid. in vit. Graec. script. haus“. Symb. Philol. Bonnens. I, p. 143.

³⁴⁵⁾ Daub I. I. p. 436 sq. 463 adn. 51.

^{345a)} См. Jahn's Jahrbücher für Philol. u. Pädag. 17 (1836), стр. 170

«Жизнеописанія» Гермиппа распадались на три — отдѣла: А) *περὶ τῶν ἑπτὰ σοφῶν*, В) *περὶ τῶν νομοθετῶν* и С) *περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμψάντων*. Изъ этихъ отдѣловъ первый заключалъ въ себѣ не менѣе пяти книгъ, и главнымъ предметомъ его служила «*die Weisheit der ältesten Vorzeit*». Такимъ образомъ онъ обнималъ дѣятельность не только тѣхъ 17 лицъ, изъ числа коихъ различнымъ образомъ комбинировалась группа такъ назыв. семи мудрецовъ, но и Пифагора съ его послѣдователями, и Анаксагора. Ко второму отдѣлу Преллеръ отнесъ по крайней мѣрѣ шесть книгъ. Въ этихъ предѣлахъ, по его мнѣнію, излагалась исторія греческаго законодательства, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая Харондомъ. Оба отдѣла вмѣстѣ должны были составлять какъ бы введеніе къ третьему, самому обширному и самому интересному, въ которомъ рѣчь шла о философахъ и объ ораторахъ. Какъ и у Каллимаха, тѣ и другіе разсматривались здѣсь по школамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ напр. школѣ Исократы было посвящено не менѣе трехъ книгъ, а школѣ Аристотеля, повидимому, гораздо болѣе.

Третья попытка возстановленія схемы, которой слѣдовалъ Гермиппъ при обработкѣ своего матеріала, принадлежитъ Нитцше ³⁴⁶⁾. Исходя изъ того предположенія, что трудъ Гермиппа былъ задуманъ и выполненъ имъ подъ вліяніемъ пинакографической дѣятельности Каллимаха, — что само по себѣ совершенно вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію, — названный ученый искалъ вполнѣ точнаго соотвѣтствія между отдѣльными рубриками «Таблицъ» съ одной стороны и «Жизнеописаній» — съ другой. И такъ какъ онъ дѣлилъ «Таблицы» на пять частей, то и гермипповы «Жизнеописанія» были раздѣлены имъ на пять же крупныхъ отдѣловъ, отношеніе между которыми представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Βίοι τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμψάντων.

I. *Βίοι τῶν ποιητῶν.*

II. *Βίοι τῶν ῥητόρων.*

³⁴⁶⁾ Nitzsche De La. Diog. font. (Rh. Mus. 24), p. 190.

III. Βίοι τῶν ἱστορικῶν.

IV. Βίοι τῶν μάγων — Βίοι τῶν [ἐπτὰ] σοφῶν — Βίοι τῶν φιλοσόφων.

V. Βίοι παντοδαπῶν συγγραφέων... Βίοι τῶν νομοθετῶν.

Врядъ ли надобно говорить, что построение это въ та- кой же мѣрѣ искусственно и произвольно, какъ и два пред- шествующія, и такъ же мало, какъ и они, оправдывается по- казаніями нашихъ источниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторы, имѣвшіе еще возможность пользоваться произведеніемъ Гермиппа, сообщаютъ намъ въ числѣ частныхъ заглавій, каковыми снабжены были различные отдѣлы этого труда, и такія, которыя относятся къ цѣлому классу дѣятелей (напр. περὶ τῶν νομοθετῶν, περὶ ἐνδόξων [ἀνδρῶν] ἱατρῶν, περὶ τῶν Ἰσοκράτους μαθητῶν), и такія, которыя указы- ваютъ, какъ на предметъ изслѣдованія, на дѣятельность одного какого либо лица (напр. περὶ Πυθαγόρου, περὶ Горγίου, περὶ Ἰσοκράτους и проч.). Думать, что заглавія по- слѣдней категоріи принадлежали лишь болѣе мелкимъ под- раздѣленіямъ того или другаго крупнаго отдѣла, никоимъ образомъ невозможно: мы знаемъ напр., что трактатъ о Пи- тагорѣ заключалъ въ себѣ двѣ книги, а трактатъ объ Ари- стотелѣ едва ли не отличался и еще болѣе внушительными размѣрами ³⁴⁷). Къ этому присоединю, что цитаты съ ука- заніемъ на такія частныя заглавія, встрѣчаются между про- чимъ и у того автора, который знаетъ сочиненіе Гермиппа подъ общимъ названіемъ „Βίοι“, — именно, у Діогена лаэрт- скаго; однако, ссылаясь на эти „Βίοι“, Діогенъ ни разу не прибавляетъ къ своей ссылкѣ болѣе точнаго ука- занія на соотвѣтствующій отдѣлъ или книгу, между тѣмъ какъ его выдержка изъ трактата „περὶ Πυθαγόρου“ сопровождается указаніемъ на вторую книгу этого трактата (VIII, 10), а при ссылкѣ на отдѣлъ „περὶ τῶν ἐπτὰ σοφῶν“ онъ называетъ четвертую его книгу (VIII, 88). Въ виду всего этого я заключаю, во первыхъ, что, если трудъ Гер- миппа и носилъ общее заглавіе „Βίοι“, то различные его

³⁴⁷) См. соотвѣтствующія мѣста у К. Мюллера. F. H. Gr. III.

отдѣлы дѣлились на книги съ особою для каждаго отдѣла нумераціею, а во вторыхъ—что во всемъ произведеніи пропорціональность частей врядъ ли строго была соблюдена, что въ иныхъ мѣстахъ изложеніе отличалось большею подробностью и полнотою, въ иныхъ же авторъ довольствовался лишь поверхностными, краткими сообщеніями и что вообще Гермиппъ мало стѣснялся какимъ нибудь заранѣе опредѣленнымъ планомъ. Мнѣ кажется, что составленные имъ жизнеописанія были въ такой же мѣрѣ свободными дополненіями къ «Таблицамъ» Каллимаха, какъ и названныя выше историко-литературныя работы Эратосеена, — что это былъ рядъ самостоятельныхъ, то болѣе обширныхъ, то небольшихъ этюдовъ, изслѣдованій и статей, связанныхъ между собою, не столько единствомъ плана, сколько единствомъ содержанія и направленія. И, можетъ быть, самое названіе „Βίαι“ не было чѣмъ то съ самаго начала имъ присвоеннымъ, а употреблено Діогеномъ въ прив. м. просто какъ общее указаніе на источникъ, изъ котораго привести болѣе точную цитату онъ почему либо не могъ или не считалъ нужнымъ.

Что касается той связи, которую усматриваютъ между работою Гермиппа и каллимаховыми «Таблицами», то существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Есть свидѣтельства, позволяющія думать, что книга Гермиппа представляла собою, подобно послѣднимъ, продуктъ пинакографической литературы, что она во многихъ пунктахъ примыкала къ нимъ и что въ ней кромѣ чисто историческаго присутствовалъ и библиографическій элементъ. Къ отрывку оеофрастовой «Метафизики» схолиастъ замѣчаетъ: τοῦτο τὸ βιβλίον Ἀνδρόνικος μὲν καὶ Ἑρμιππος ἀγνοοῦσιν. οὐδὲ γὰρ μνείαν αὐτοῦ ὅλως πεποιήνται ἐν τῇ ἀναγραφῇ τῶν Θεοφράστου. Гейтцъ совершенно справедливо говоритъ, что, еслибы Гермиппъ въ своихъ біографіяхъ философвъ ограничивался лишь случайнымъ упоминаніемъ о различныхъ ихъ сочиненіяхъ, то не только схолиастъ не могъ бы весьма опредѣленно ссылаться на его „ἀναγραφῇ τῶν Θεοφράστου“, но и самое поименованіе Гер-

минна въ прив. м. было бы вполне безцѣльно ³⁴⁸⁾. Въ тѣхъ же схоліяхъ передъ началомъ 7-й книги трактата о растеніяхъ читаемъ: Θεοφράστου περὶ φυτῶν ἱστορίας τὸ ἡ'. Ἑρμιππος δὲ περὶ φρυγανικῶν καὶ ποιωδῶν, Ἀνδρόνικος δὲ περὶ φυτῶν ἱστορίας ³⁴⁹⁾,—слова, совершенно ясно свидѣтельствующія, что, какъ и въ «Таблицахъ» Каллимаха, у Гермиппа шла рѣчь между прочимъ о надписаніи отдѣльныхъ книгъ, а, стало быть, и о подлинности ихъ, о мѣстѣ ихъ въ ряду прочихъ произведеній того же автора и проч. Само собою разумѣется, что приведенные тексты имѣютъ для насъ не одинъ лишь непосредственный смыслъ, но и болѣе общее значеніе,—другими словами, они указываютъ не на то только, что въ «Жизнеописаніяхъ» Гермиппа находился списокъ теофрастовыхъ твореній, но и на то также, что были тамъ и другіе подобные списки, и Гейтцъ убѣжденъ, что между ними имѣлся и списокъ сочиненій Аристотеля. Мы не станемъ приводить его аргументовъ ³⁵⁰⁾, но удовольствуемся указаніемъ на нѣкоторыя мѣста, вполне оправдывающія такой выводъ: 1) Diog. L. VIII, 88 [Εὐδόξος] γράψας τοῖς ἰδίοις πολίταις νόμους ὥς φησιν Ἑρμιππος... καὶ ἀστρολογούμενα καὶ γεωμετρούμενα καὶ ἕτερ' ἅττα ἀξιόλογα; 2) *ibid.* VIII, 85 γέγραφε [Φιλόλαος] δὲ βιβλίον ἐν ᾧ φησιν Ἑρμιππος λέγειν τινὰ τῶν συγγραφέων Πλάτωνα... ὠνήσασθαι; 3) Plin. N. H. XXX. 1. 4. Hermippus qui de ea arte (magica) diligentissime scripsit et viciens centum millia versuum a Zoroastre condita indicibus quoque voluminum eius positis explanavit ³⁵¹⁾. Всѣ эти выдержки оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что признаки, свойственные другимъ извѣстнымъ намъ образцамъ александрійской пинакографіи, не были чужды труду Гермиппа, что, подобно Каллимаху, онъ за біографическими свѣдѣніями о писателяхъ давалъ мѣсто перечнямъ ихъ сочиненій и что къ названіямъ послед-

³⁴⁸⁾ Heitz Die verlorenen Schriften des Aristoteles. Leipz. 1865. Стр. 49.

³⁴⁹⁾ Usener. l. l. p. 23.

³⁵⁰⁾ Heitz l. l. p. 46 sqq.

³⁵¹⁾ Nitzsche l. l. p. 189. Срв. Susemihl l. l. p. 493, adn. 10.

нихъ, какъ въ «Таблицахъ», присоединялись у него и стихометрическія указанія.

Но является вопросъ, въ какомъ же отношеніи стояли «Жизнеописанія» Гермиппа къ «Таблицамъ» Каллимаха? Былъ ли это трудъ самостоятельный, или не болѣе какъ переработка нѣкоторыхъ отдѣловъ обширной работы послѣдняго? Что касается библиографической части, то о ней В. Розе былъ весьма невысокаго мнѣнія ³⁵²), хотя это мнѣніе, повидимому, опровергается тѣми показаніями древнихъ авторовъ, на которыя мы сейчасъ ссылались. Въ одномъ только пунктѣ можно, кажется, сдѣлать уступку, — именно, можно согласиться, что, хотя Гермиппъ и включилъ въ свой трудъ списки произведеній различныхъ авторовъ, однако далеко не всѣ эти списки были составлены и переработаны имъ самимъ; большая часть ихъ по всей вѣроятности, цѣликомъ перешла въ «Жизнеописанія» изъ «Таблицъ», гдѣ библиографическій отдѣлъ былъ обработанъ, какъ мы видѣли, съ особенною тщательностью ³⁵³). За то историческая часть гермипповыхъ „Βίαι“ и по относительной полнотѣ, и по самому характеру изложенія много и существенно отличалась отъ тѣхъ скудныхъ біографическихъ и хронологическихъ указаній, которыми снабдилъ Каллимахъ свои „πίνakes“. Что въ этомъ отношеніи ученикъ былъ совершенно самостоятеленъ и старался не только дополнить, но и при случаѣ исправить трудъ учителя, о томъ свидѣтельствуетъ весьма краснорѣчиво Аѳеней VI р. 252 с: *Λυσίμαχος, ὃν Καλλίμαχος μὲν Θεοδώρειον ἀναγράφει, Ἑρμιππος δ' ἐν τοῖς Θεοφράστου μαθηταῖς καταλέγει*. Изъ этихъ словъ можно сдѣлать двойное заключеніе: 1) что Гермиппъ, подобно другимъ каллимаховцамъ, отправлялся въ своемъ сочиненіи отъ результатовъ, достигнутыхъ Каллимахомъ, и при новомъ пересмотрѣ матеріала приходилъ иногда къ инымъ выводамъ, нежели его предше-

³⁵²) V. Rose Arist. pseudopigr. p. 9: veri quidem simile est et quod et seculi rationi et Hermippeae scriptionis vestigiis magis consonet, eum non dedita opera, sed quasi fortuito de singulis tantum libris quaedam adnotasse ubi res ipsae citandi occasionem ferrent.

³⁵³) Nietzsche p. 189; срв. выше прим. 295.

ственникъ ³⁵⁴); 2) что этотъ пересмотръ онъ, повидимому, считалъ особенно необходимымъ по отношенію къ тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя были собраны составителемъ «Таблицъ», причемъ, — и это явствуетъ изъ уцѣлѣвшихъ фрагментовъ, — его задачею было, вѣроятно, подвергнуть новой обработкѣ именно тѣ отдѣлы каллимаховой работы, которые были наименѣе удачны, наиболѣе слабы. Мы знаемъ, что таковы были отдѣлы, посвященные прозаикамъ, и дѣйствительно между фрагментами Гермиппа (числомъ больше 80) только два ³⁵⁵) относятся къ поэтамъ (Эврипиду и Гиппонакту).

Преллеръ и Нитцше исходили въ своихъ предположеніяхъ изъ того убѣжденія, что въ основаніи гермипповыхъ «Жизнеописаній» лежала предметная группировка матеріала, а самое изложеніе слѣдовало, какъ и естественно въ сочиненіи историческаго характера, хронологическому порядку ³⁵⁶). Если это такъ, то, принимая во вниманіе связь, соединявшую разсматриваемый трудъ съ каллимаховыми «Таблицами», мы получаемъ новый аргументъ въ пользу того, что и въ послѣднихъ расположеніе матеріала было подчинено аналогичному принципу ³⁵⁷).

³⁵⁴) Preller l. c. p. 181: [Es] scheint Athen. VI p. 252 с eine bestimmte Beziehung des Hermippus auf den Kallimachus zu indiciren, indem solche Stellen gewöhnlich aus dem Schriftsteller genommen sind, welcher zuletzt genannt wird, und welcher eben den Gegensatz seiner Ansicht und der andern bemerkt hatte.

³⁵⁵) K. Müller F. H. G. frg. 73 b, 74. Что касается перваго изъ этихъ отрывковъ, то издатель замѣчаетъ: „Quaeritur denique num statuendum sit Hermippum Callimachium uti philosophorum rhetorumque, sic etiam poetarum vitas scripsisse, an locus noster ex peculiari Hermippi nescio cujusnam opere Vitam Euripidis et in fabulas commentarios continente petitus sit“.

³⁵⁶) Лозинскій расположилъ фрагменты, относящіяся къ жизнеописаніямъ философовъ, въ алфавитномъ порядкѣ. По этому поводу Преллеръ замѣтилъ: „Das ist ein so äusserliches und schlechtes Princip, das es höchstens in den allerdesperatesten Fällen zugelassen werden kann; da doch beim Hermippos ganz klar ist, 1) dass er genetisch verfährt, eine Geschichte der Litteratur geben will, denn darauf ist es mit seinem ganzen Werke abgesehen, 2) dass er die zu einer und derselben Schule gehörigen Personen zusammen behandelte“ (стр. 169).

³⁵⁷) Совершенно непонятно, какъ могъ Нитцше утверждать обратное: „Hermippus autem qui Titulum ipsum illius Callimachi catalogi vitis

По отрывкамъ видно, что Гермиппъ больше всего интересовался историческою стороною своего труда и съ неутомимымъ рвеніемъ собиралъ біографическія подробности о лицахъ, служившихъ предметомъ его вниманія, такъ что въ этомъ отношеніи прослылъ какъ ἀνὴρ περὶ πᾶσαν ἱστορίαν ἐπιμελής. За свою ἀκρίβεια онъ удостоился похвалы даже отъ такого строгаго критика, какъ Діонисій галикарнасскій. Это, конечно, говоритъ въ пользу нашего автора, хотя найдется немало такого, въ чемъ его можно и упрекнуть. Такъ, при изумительной начитанности, въ которой онъ не уступалъ своему учителю, Гермиппъ видимо отличался своею страстью ко всему необыкновенному, къ романическимъ фабуламъ, къ анекдотамъ и не только принималъ на вѣру все, что находилъ въ своихъ источникахъ, но подчасъ — *sit venia verbo!* — присочинялъ и отъ себя³⁵⁸). Поэтому замѣчено, что и у Псевдоплутарха въ «Жизнеописаніяхъ десяти ораторовъ» наименѣе достовѣрны именно тѣ свѣдѣнія, которыя были заимствованы имъ у Цецилія, черпавшаго свой матеріалъ изъ трудовъ Гермиппа³⁵⁹). Тѣмъ не менѣе, подобно Каллимаху, нашъ авторъ долго пользовался авторитетомъ у позднѣйшихъ греческихъ писателей, и, безъ сомнѣнія, изъ числа извѣстій, сообщаемыхъ послѣдними, къ Гермиппу, какъ къ основному источнику, должно быть возведено несравненно больше, чѣмъ то показываютъ собранія его фрагментовъ.

Тремя названными дѣтелями не исчерпывается списокъ извѣстныхъ намъ каллимаховцевъ. Кромѣ Эратосѣена, Аристофана византійскаго и Гермиппа смирнскаго въ качествѣ друзей или послѣдователей Каллимаха мы знаемъ еще аттидографа Истра, киренейца Филостефана, Гераклита галикарнасскаго, Аполлонія родосскаго; но, сколько

suis praeфикit, Callimachi vestigiis videtur anxie institisse, ita ut tot generales partes distingueret quot Callimachus, id ille quidem mutans, quod non ad litterarum, sed ad temporum ordinem homines litteratos enumeravit (р. 191). Срв. O. Schneider Callimachea II p. 305.

³⁵⁸) Susemihl стр. 495.

³⁵⁹) Ibidem.

можно судить, изъ нихъ никто не выступалъ на поприщѣ пинакографической дѣтельности, хотя частныя историко-литературныя изслѣдованія имъ не были чужды. Такъ напр. все заставляетъ думать, что Истру принадлежали біографіи Софокла и Пиндара, изъ которыхъ уцѣлѣло нѣсколько отрывковъ ³⁶⁰). Возможно также, что и Филостефанъ неразъ затрогивалъ область нашей науки въ своемъ сочиненіи „περὶ εὐρημάτων“ (срв. выше стр. 20 сл.). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы должны оставить ихъ въ сторонѣ и закончить свое изложеніе краткимъ обзорѣмъ дѣтельности другихъ представителей пинакографіи, хотя и не принадлежавшихъ къ числу каллимаховцевъ, но, несомнѣнно, находившихся подъ вліяніемъ ихъ школы.

Сюда относятся, во первыхъ, александрійскій доксграфъ Сотіонъ и перинатетикъ Сатиръ, примкнувшіе по своему направленію къ Гермиппу. Первый составилъ обширную «Исторію преемства философскихъ школъ» (διαδοχὴ τῶν φιλοσόφων, въ 13 кн.), а второй въ своемъ сочиненіи „περὶ χαρακτήρων“ разсмотрѣлъ не только жизнь и сочиненія многихъ выдающихся писателей древности, но затронулъ даже дѣтельность государственныхъ людей. Тотъ и другой, опираясь главнымъ образомъ на преданія философскихъ школъ, вновь подвергли разсмотрѣнію ходячіе перечни сочиненій, приписываемыхъ различнымъ авторамъ. При этомъ, говорятъ, они обнаружили столь большую подозрительность, что включили въ разрядъ подложныхъ книгъ нѣсколько новыхъ группъ, считавшихся дотолѣ подлинными ³⁶¹). Въ томъ же духѣ дѣйствовали и пергамскіе пинакографы. Въ своемъ сопоставленіи съ александрійцами пергамскіе ученые часто вступали на тѣ пути, которые пролагались усиліями первыхъ, и, какъ подъ сѣнью александрійскаго музея и при богатыхъ пособіяхъ, доставляемыхъ итолемевою библіотекою, возникли «Таблицы» Каллимаха, такъ и Пергамъ, имѣвшій своихъ

³⁶⁰) См. Wellmann De Istro Callimachio (Griphism. 1886), p. 3, adn. 7.

³⁶¹) Nitzsche l. l. p. 193.

ученыхъ и свою бібліотеку, захотѣлъ имѣть и свои «Таблицы» (πίνακες Пергамηνοί). Мы не знаемъ, кто былъ ихъ составителемъ, хотя, какъ было выше замѣчено, есть много основанийъ предполагать, что главное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало Кратету изъ Малла. По всей вѣроятности, пинакографическая работа Кратета преслѣдовала прежде всего ближайшія, практическія цѣли, но она разрослась подъ руками его учениковъ и послѣдователей и изъ каталога пергамской бібліотеки мало по малу превратилась въ критическій компендіумъ исторіи греческой литературы. Подъ вліяніемъ со стороны Александріи чисто историческіе вопросы и въ пергамской ученой литературѣ, посвященной бібліографіи, стали брать перевѣсъ надъ вопросами, относящимися собственно къ послѣдней области. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей пергамской учености Антигонъ каристійскій предпринялъ обширный трудъ подъ заглавіемъ „Βίοι φιλοσόφων“ совершенно въ духѣ и характерѣ соціоновыхъ „διαδοχαί“ съ тою только разницею, что его сообщенія опирались большею частью не на преданія, а на личныя воспоминанія и, стало быть, выигрывали въ отношеніи достовѣрности ³⁶²⁾. Подобный же трудъ предпринять былъ и ученикомъ Кратета Панэтіемъ, которому принадлежали, повидимому, пергамскіе «Списки философовъ» (φιλοσόφων πίνακες) ³⁶³⁾. За этими учеными шла многочисленная толпа другихъ пинакографовъ, отчасти извѣстныхъ намъ только по имени, отчасти же даже и вовсе неизвѣстныхъ и скрывающихся подъ неопредѣленнымъ обозначеніемъ „οἱ περὶ πινάκων γράψαντες“ (Diog. L. VII, 188) или „οἱ πινακόγραφοι“ (Steph. Biz. v. Ἀβδηρα). Дѣятельность ихъ непрерывно тянется вплоть до императорскихъ временъ, когда на поприщѣ пинакографіи подвизались Филонъ изъ Библа, Гермиппъ беритскій, Телефъ, Дамофилъ, Соранъ (младшій) и др., и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о размѣрахъ,

³⁶²⁾ Wilamowitz Antig. v. Karystos, стр. 127.

³⁶³⁾ Nitzsche l. l. p. 194.

какіе приняла дисциплина, созданная Каллимахомъ. Но слѣдить за этою дѣятельностью въ подробностяхъ и разбирать относящіеся къ ней показанія источниковъ не входитъ уже въ наши задачи, и приведенными именами мы заключаемъ свой обзоръ этого предмета.

* *
*

Однако прежде, нежели положить перо, считаю нужнымъ указать на то общее значеніе, которое имѣли труды Каллимаха и его послѣдователей.

Едва ли не самую характерную черту наступившей по смерти Александра В. исторической эпохи, едва ли не самое яркое знаменіе времени составляетъ стремленіе къ репродукціи, къ воспроизведенію въ новыхъ формахъ и комбинаціяхъ всего, что было унаслѣдовано греками въ области духовной дѣятельности отъ прежнихъ вѣковъ и поколѣній. Это стремленіе замѣтно повсюду. Съ утратою политической независимости производительная сила греческаго духа отжила свой вѣкъ, источники живаго вдохновенія изсякли, воображеніе притупилось, пылъ поэтическаго одушевленія погасъ, идеальная сфера казалась исчерпанною, и не оставалось ничего болѣе, какъ изучать недосыгаемо-великіе памятники старины и подражать имъ. Въ поэзіи воскрешаются отжившія и забытыя стихотворныя формы, въ образовательныхъ искусствахъ повторяются старые мотивы, въ наукахъ предпринимается рядъ археологическихъ и историко-культурныхъ изысканій, — словомъ, съ особенною силою разгорается интересъ къ минувшему.

И въ самомъ дѣлѣ наибольшая заслуга ученыхъ дѣятелей александрійской эпохи состоитъ въ сохраненіи и распространеніи свѣдѣній о греческой старинѣ, въ кропотливомъ собираніи и ревностномъ изученіи памятниковъ классической литературы и греческаго искусства. И достиженію этихъ цѣлей способствуютъ не только одни ученые, но и просвѣщенные правители возникшихъ послѣ Александра В. государствъ, сумѣвшіе сгруппировать вокругъ себя лучшія силы

греческой науки. Такимъ образомъ на пути благороднаго соревнованія создалось нѣсколько весьма важныхъ центровъ учено-литературной дѣятельности.

Первое мѣсто среди этихъ центровъ заняла Александрія. Она слила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, все, чѣмъ была богата умственная жизнь эллинскаго и эллинизованнаго общества въ третьемъ до-христіанскомъ столѣтіи. Всѣ греческія школы выслали сюда своихъ представителей, и нѣтъ такой отрасли человѣческаго вѣдѣнія, которая бы не обогатилась здѣсь многими цѣнными пріобрѣтеніями. Вышнимъ образомъ это великое значеніе Александріи, какъ очага эллинической культуры, выразилось въ учрежденіи музея и безпримѣрно-обширной библіотеки, въ которой, по идеѣ ея создателей, должно было быть собрано все, что дотолѣ произвела греческая мысль въ области литературы и науки.

Такая идея соотвѣтствовала назрѣвшей и сознанной потребности греческаго духа опознаться въ томъ, что имъ было доселѣ создано, — подвести итоги многовѣковой работѣ непрерывно смѣнявшихся поколѣній.

Всѣ дѣятели александрійской эпохи усиленно старались удовлетворить этой потребности. Но никто не понималъ ее такъ широко, какъ Каллимахъ, который поставилъ своею задачею пересмотрѣть, привести въ стройную, отвѣчающую научнымъ требованіямъ систему и регистрировать всѣ произведенія греческой литературы и греческой науки, — другими словами, выразить осязательно, при помощи наглядной формулы всю силу научной и литературной производительности греческой націи.

Его «Таблицы» заключали въ себѣ разрѣшеніе этой задачи.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 3 (прим. 6).—О символическомъ значеніи числа три, какъ и вообще о символикѣ чиселъ, подробно трактуетъ А. Негеле (Zahlensymbolik. Schul-Progr. Marburg. I. П. 1886—87). Срв. также Lobeck Aglaoph. I, p. 384—388. Тѣмъ не менѣе, при всей полнотѣ матеріала, собраннаго въ этихъ книгахъ, я не нашелъ въ наличныхъ данныхъ опоры для мнѣнія Бергка.

Къ стр. 16 (прим. 51).—Объ Амелесарогѣ см. Wilamowitz. Antig. v. Karyst. стр. 24, прим. 17.

Къ стр. 24 слл.—При обработкѣ экскурса „о роли Писистрата въ исторіи гомеровской критики“ отъ моего вниманія ускользнуло одно мѣсто въ соч. О. Зеэка „Die Quellen der Odyssee“ (Berl. 1887. Стр. 385 слл.). Примыкая къ Виламовицу (Hom. Unters. стр. 240 слл.), Зеэкъ относитъ дѣятельность Діевхида къ IV стол. и по отношенію къ его сообщеніямъ о редакціонныхъ работахъ писистратовой комиссіи считаетъ основнымъ источникомъ Гелланика. „Also, заключаетъ онъ, die Peisistratische Recension ist äusserlich ebenso gut überliefert, wie innerlich glaubwürdig; denn dass eine Philologie und ein Interesse am Büchersammeln im sechsten Jahrhundert noch nicht existirt habe, lässt sich doch kaum dagegen anführen. Was wissen wir vom sechsten Jahrhundert? Tritt unter den wenigen gut beglaubigten Zügen, aus denen wir uns sein Bild zusammensetzen, einer hervor, der auf den ersten Blick fremd erscheint, nun „so heisst als einen Fremden ihn willkommen!“ Aus der Ueberlieferung haben wir unsere Begriffe über jene dunkle Zeit zu bilden und umzubilden, nicht aus diesen schiefen und lückenhaften Begriffen heraus die Ueberlieferung zu verwerfen, wo alles für ihre Echtheit spricht“. Діелс въ своей интересной статьѣ „Ueber Epimenides von Kreta“ также признаетъ „litterarische Commission“ Писистрата за историческій фактъ и между прочимъ считаетъ Ономакрита съ его сотрудниками (οἱ περὶ Ὀνομακρίτου) за истинныхъ составителей тѣхъ подложныхъ оракуловъ, которые впоследствии слыли подъ именемъ эпименидовыхъ (Sitzungsberichte der k. preuss. Ak. d. Wiss. zu Berlin. XIX—XXI 1891. Стр. 396 сл.).

Къ стр. 42 (прим. 63).—Программа Г'елля „Das alex. Museum“ (Schleiz. 1868), которую я не имѣлъ возможности пользоваться, ошибочно приписана мною Беккеру, автору „Харикла“. Тамъ же (въ литературныхъ указаніяхъ) слѣдовало бы также назвать: Busch De bibliothecariis alexandrinis (Suerin. 1884); Häberlin Beiträge zur Kenntniss des antiken Bibliotheks- und Buchwesens. Centralbl. f. Bibliothekswesen VI—VII (1889—90) [мнѣ неизвѣстно]; Dziatzko Joh. Tzetzes u. das Plautusscholion

üb. die alexandrinischen Bibliotheken (Rhein. Mus. 46, стр. 349 сл.). По темъ сюда отчасти относятся также: О. Ярышъ „Книжное дѣло у древнихъ грековъ и римлянъ“ (въ кievскомъ „Сборникѣ статей по класс. филол.“ III); А. Деревницкій „Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія“ (Харьковъ. 1887) [популярныя статьи].

Къ стр. 50 (прим. 76).—Пропущено: Schöll Die Anfänge einer politischen Litteratur bei den Griechen. München. 1890 [на эту книгу любезно обратилъ мое вниманіе проф. В. П. Бузескулъ].

Къ стр. 57 (прим. 89) [срв. также стр. 6, прим. 13 и стр. 85, прим. 132].—О храмовыхъ архивахъ и библіотекахъ см. Bergk Gr. LG. I, стр. 214 и прим. 70.

Къ стр. 66.—Партей (Alex. Mus. стр. 51) и Уппенкампъ (De orig. conscr. hist. litt. p. 38) злоупотребляли, мнѣ кажется, извѣстнымъ мѣстомъ изъ Витрувія, гдѣ у него говорится „de oecis, tricliniis“ и проч. (VI, 5), полагая на основаніи этого мѣста, что и у Страбона (XVII p. 794), и у Галена (in Hippocr. I. III Epidem. p. 411; см. выше стр. 151, прим. 236) слово οἶκος въ примѣненіи къ александрійскому дворцу употреблено именно въ смыслѣ обширной столовой (triclinium praeagrande ad convivia). Это слово вообще означаетъ μέρος τι τῆς οἰκίας (Hesych.), такъ что встрѣчается въ примѣненіи къ самымъ различнымъ аппаратамъ и строеніямъ, входящимъ въ составъ „дома“, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть также и общее обозначеніе дома со всѣми его частями (см. Thes. linguae gr. s. v.). Нѣтъ поэтому, никакой необходимости, когда рѣчь идетъ объ Александрии и употребляется слово οἶκος, непременно придавать ему смыслъ опредѣленнаго термина потому только, что Витрувій сообщилъ намъ о существованіи въ его время въ домахъ богачей столовыхъ, носившихъ названіе „oecus aegyptius“.

Къ стр. 70 (прим. 114).—О предпринятыхъ и собранныхъ Птолемеемъ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на греческій см. Röper Philologus XXX (1870) стр. 559; Susemihl стр. 493, прим. 10, 11.

Къ стр. 88 и слл.—Вторая глава моего изслѣдованія была уже набрана, когда я познакомился съ вышеназванною статьею Dziatzko въ Rhein. Mus. Авторъ этой статьи доказываетъ, что знаменитый плавтинскій схолій опирается на лучший греческій текстъ тзетзовыхъ „Пролегоменъ“, нежели тѣ двѣ редакціи послѣднихъ (рѣчь, разумѣется, идетъ главнымъ образомъ о 2-й изъ этихъ редакцій), которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Что же касается крамеровскаго фрагмента „περὶ κορυδαίνης“, то, по мнѣнію Дзятцко, этотъ фрагментъ представляетъ извлеченіе изъ введенія Тзетза, а отнюдь не его источникъ (стр. 349—362). Къ этимъ разъясненіямъ добавлено въ видѣ „приложенія“ нѣсколько страничекъ, заключающихъ въ себѣ новую попытку истолковать загадочные термины „ἀμύγες“ и „σμίμντοι“. Г. Дзятцко полагаетъ, что различіе рукописей „смѣшанныхъ“ и „несмѣшанныхъ“ стоитъ въ связи съ раздѣленіемъ литературныхъ произведеній на книги и проч. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ до-александрійское время, по крайней мѣрѣ до Аристотеля, не существовало никакого или почти никакого болѣе или менѣе точнаго разграниченія между главными отдѣлами сочиненій и под-отдѣлами.... Первые попытки такого расчлененія отдѣльныхъ произведеній литературы сдѣланы были, можетъ быть, въ книжныхъ собраніяхъ философскихъ школъ; по крайней мѣрѣ въ нихъ впервые была замѣчена необходимость этого расчлененія.

Недаромъ же преданіе приписываетъ Аристотелю какъ бы инициативу въ дѣлѣ созданія большой александрійской библіотеки“. Послѣдовательное примѣненіе принципа раздѣленія древнихъ рукописей на части г. Дзятцко ставитъ въ связь главнымъ образомъ съ пинакографическою дѣятельностью Каллимаха и подъ ἀμιγῆς καὶ ἀπλὰ βιβλῶι понимаетъ такія рукописи, которыя заключали въ себѣ либо полное сочиненіе (съ началомъ и съ концомъ), либо законченную часть (отдѣлъ, книгу и т. п.) полного сочиненія, а подъ βιβλῶι συμμιγῆς—такія, въ которыхъ дѣленіе на части по содержанію не было проведено и которыя, стало быть, содержали въ себѣ „beliebig endende Theile einer Schrift“ (стр. 370).

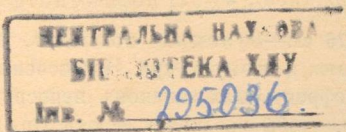
Авторъ нашей статьи убѣжденъ, что его предположеніе обезпечено по крайней мѣрѣ противъ существенныхъ возраженій (стр. 365). Дѣйствительно, оно на первый взглядъ можетъ показаться привлекательнымъ и по своей простотѣ, и по своему соотвѣтствію съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно о состояніи книжнаго дѣла въ александрійское время. Тѣмъ не менѣе я думаю, что г. Дзятцко, подобно другимъ толкователямъ трудныхъ терминовъ, обратилъ мало вниманія на сущность всякой „σύμμιξις“. Если принять его объясненіе, то двѣ категоріи рукописей, различаемыя Тзетзомъ, будутъ существенно однородны и лишь внѣшнимъ образомъ различны. По толкованію Дзятцко выходитъ, что въ александрійской библіотекѣ было 90000 свитковъ, приведенныхъ въ порядокъ, и 400000 свитковъ, еще не приведенныхъ въ порядокъ,—какъ будто въ нашихъ текстахъ стояло βιβλῶι διηρημένοι и βιβλῶι ἀδικαίετοι, что никоимъ образомъ не совпадало бы по смыслу съ понятіями β. ἀμιγῆς и β. συμμιγῆς. Если справедливо, что извѣстіе Тзетза о состояніи книгохранилища Птоломеевъ восходитъ (разумѣется, посредственно) къ „Таблицамъ“ Каллимаха, то было бы странно, еслибы въ послѣднихъ рукописи библіотеки были раздѣлены по такому чисто внѣшнему, случайному и матеріальному признаку. Это противорѣчило бы основному характеру „Таблицъ“, насколько онъ намъ извѣстенъ. Въ виду этого я предпочитаю оставаться при томъ пониманіи разсматриваемыхъ выраженій, какое предложено мною въ текстѣ, и думаю, что оно единственно правильное.

Къ стр. 144 слл.—Къ вопросу о литературномъ подлогѣ и плагиатѣ: Et. M. 198, 20 [срв. В. An. 226] Βιβλικίστος Ἀνδρέας ὁ ἱατρός ἐπεκλήθη (ἐκλήθη В. А.) ὅπῳ Ἐρατοσθένης, ὅτι λάθρα ἀπ' αὐτοῦ τὰ βιβλία μετέγραψε (ἔγραψεν В. А.) [см. Strecker l. c. p. 19]. Также: Diels вышеназв. соч. объ Эпименидѣ, стр. 396 слл. (о подложныхъ оракулахъ); Nauck Aristoph. p. 280 (о сочиненіи Аристофана византійскаго „παράλληλοι Μενάνδρου τε καὶ ἄρ' ὃν ἔκλεψεν ἐκλογαί).

Къ стр. 174 (прим. 274).—Срв. Preller. N. Jahrb. XVII, стр. 179: „ἀναγραφὴ τῶν ῥητορικῶν, wobei nothwendig συγγραμμάτων zu ergänzen“.

Къ стр. 176 сл.—Зуземиль полагаетъ, что дѣленіе комедіи на древнюю, среднюю и новую при Эратосѣенѣ уже существовало и что, такъ какъ Ликофронъ былъ слишкомъ непосредственнымъ современникомъ новой комедіи, чтобы различать ее отъ средней, то это дѣленіе обязано своимъ происхожденіемъ Каллимаху (см. стр. 426, прим. 88). О тройномъ дѣленіи аттической комедіи см. также Kaibel Archippos u. die pergamenische Kritik (Hermes. XXIV. 1889, стр. 42 слл.); Leo Varro u. die Satire ibid. p. 74 слл.

Къ стр. 220.—Какое широкое вліяніе имѣли „Таблицы“ Каллимаха, видно изъ того, что не только ими порождена богатая пинакографія, принадлежащая цѣликомъ къ области исторіи греческой литературы, но и изъ того, что въ другихъ, смежныхъ научныхъ областяхъ въ зависимости отъ каллимаховой работы обнаруживается сходное литературное движеніе. Такъ напр. современникъ Каллимаха Калликсень предпринялъ, такъ сказать, каталогизацію художественныхъ произведеній греческой живописи и ваянія подъ заглавіемъ: ἀναγραφὴ ζωγράφων τε καὶ ἀνδριαντοποιῶν. Подобныя же общія сочиненія по исторіи искусствъ принадлежали Ксенократу, Адэю, Антигону каристійскому и др.

Замѣченные опечатки.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
12	8 сверху	ὀρθοεπίας	ὀρθοεπείας
62	6 снизу	τοῖς	τοῖς
94	21 „	грамоздились	громоздились
143	17 „	прим. 219.	прим. 220.
158	9, 14 сверху	Περγαμενοί	Περγαμῆνοί
160	3, 14 „	Вак-смуть	Вакс-мутъ
165	1 снизу	Callim. VI	Callim. II.

020202

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

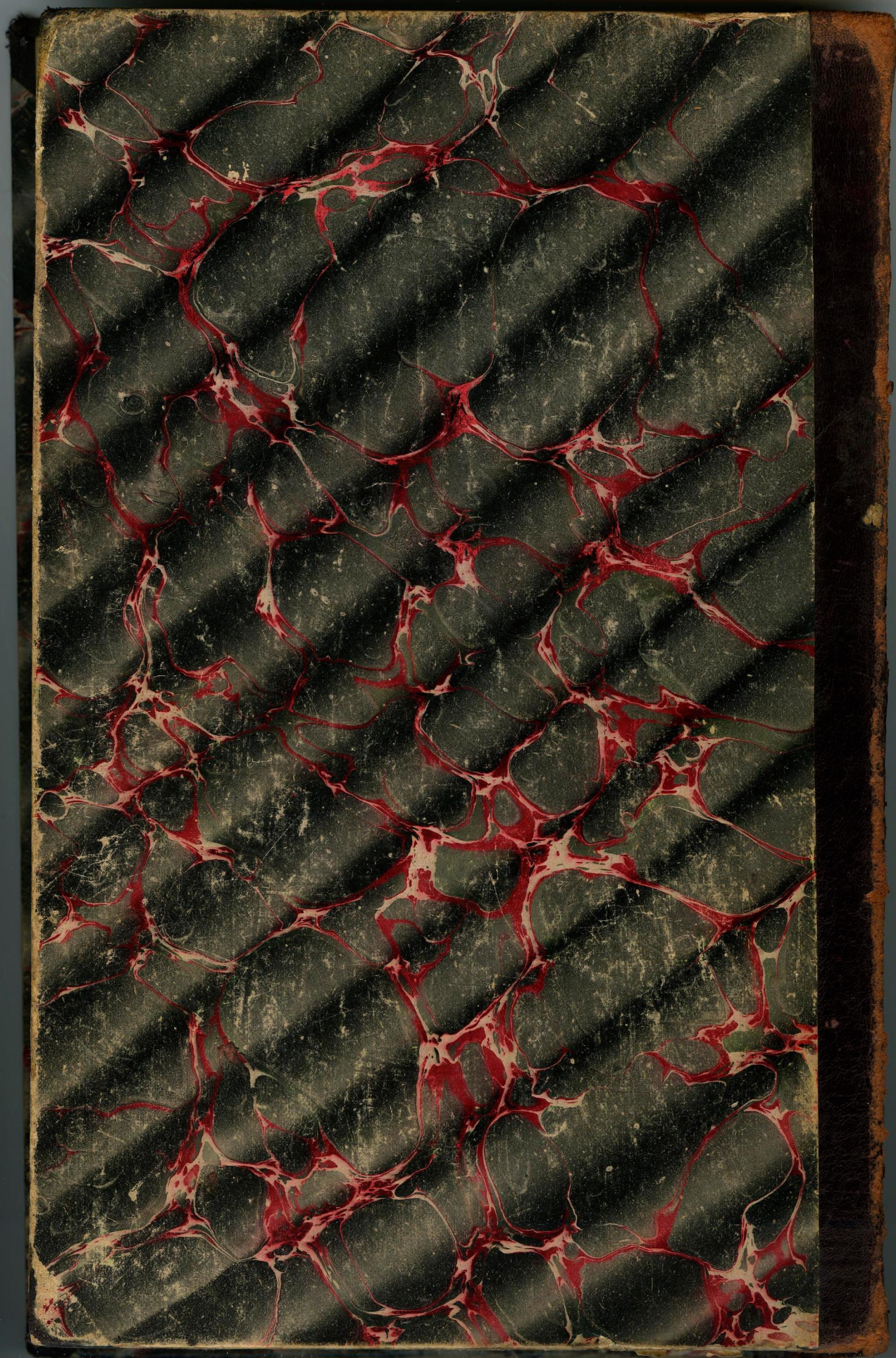
Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія. Публичная лекція. Харьковъ. 1887. Ц. 20 коп.

Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Страница изъ исторіи харьковскаго университета. Харьковъ. 1888. Ц. 40 к.

Гомерическіе гимны. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. 1889. Ц. 1 р. 50 коп.

О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для исторіи афинской демократіи. Харьковъ. Ц. 25 к.

Цѣна 2 руб. сер.

12 1/2

295036

О НАЧАЛЕ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ЗАНЯТИЙ
ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ